

● «И другие актеры, которые работают с Никитой Михалковым, боготворят его. И, сравнивая, понимают, что мало кто выдерживает это сравнение»

Фильм «Изображая жертву» (Гран-при «Кинотавра») еще идет на экранах России, а в конце июня выходит «Связь» Авдотьи Смирновой. Анна Михалкова снялась в обеих картинах. В первой она — суматошная видеопропаганда следственных экспериментов, рвущаяся на части между домом и работой, во второй — женщина на перепутье кризиса среднего возраста, страдающая от любовной напасти и из

последних сил пытающаяся от наваждения избавиться. Скандалная остро-социальная черная комедия и камерная мелодрама в духе кино 70-х про «Трускавец» и «отпуск в сентябре»... Объединяет их лишь одно — редкой органичности и внутреннего многоцветия работы актрисы, которая столь ярко заявила о себе в этом сезоне, что убедила даже подозрительных недоброжелателей...

— Анна, есть ли для вас что-то общее в этих ролях? Может, тема невозможности, невоплощимости абстрактного понятия личного счастья?

— Но так называемая женская тема — вообще единственная из волнующих женщин! Не могу проводить параллели, слишком разные пластины, проблематика, каковорит моя героиня у Серебренникова: «разные уровни входления в культуру» — язык, мировосприятие, социальная среда...

— Изначально роль в «Жертве» состояла из нескольких фраз, как происходило ее «выращивание»?

— После того как я прочла сценарий, Кирилл сказал, что еще написаны какие-то телефонные разговоры... Но в принципе сама роль была достаточно неожиданной, я согласилась бы и на эпизод. Люблю Кирилла, хотела с ним работать. Мой выбор основывался не на материале, тем более не на объеме роли, а на возможности работать именно с этим режиссером. Он из немногих, кто скрупулезно, микроскопически выстраивает все линии, в том числе и актерские. Внутри общей жесткой концепции предлагает четкий рисунок, подробный разбор роли, не исключая возможностей вместе фантазировать.

— А вы придумывали, кто ваш гипотетический муж, с которым вы постоянно говорите по телефону?

— Там четко сказано: Ринат очевидно, какой-то кавказец. Но в принципе — это не та роль, где следует долго додумывать предысторию, место встречи, семейные разговоры, судьбы. Она по другой схеме выписана. Вот в «Связи» — совсем иначе. Мы разбирали все «от и до». Как они познакомились? Какие книги читали? Как там у них в семьях все складывалось? Что общего?

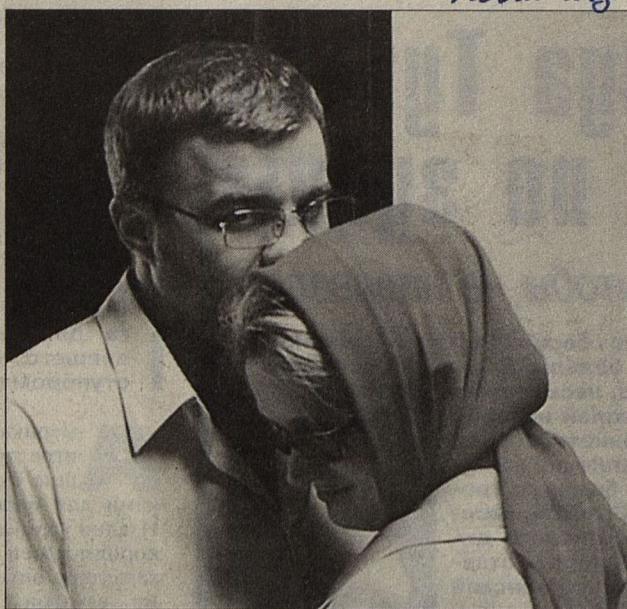
— Играть любовный дуэт, тем более если он есть главное составляющее картины, не просто. Не солгать, не сфальшивить, не передавить... Как вам работалось с Михаилом Пореченковым?

— Мы с Мишой много работали вместе, мало того — дружим. Его жена — одна из моих лучших подруг. Я — крестная его младшей дочки... При этом мужчина все равно остается мужчиной (если, конечно, он вообще мужчина), а женщина — женщиной. Это момент преодоления физиологии, психологии, нужно с человеком, которого вообще не знаешь, падать в омут страсти. Понятно, что профессиональные навыки выручают. Но наметанному глазу всегда заметны швы. Когда же у артистов, играющих любовь на экране, вспыхивают те же чувства за камерой и они практически играют себя — это тоже плохо, правда жизни и правда в кино — разные истории. К Мише я отношуясь как к родственнику. А даже фантазии на сексуальную тему среди родственников — патология. Но давние связи, взаимопонимание позволяло не тратить времени, лишних слов...

тельной степени — его. Все зависит от того, насколько поддается или нет артист.

— Значит, вы были пластилином?

— Все происходит совершенно на другом уровне. Такая связь... эмбриональная. Она не формулируется. Но и другие актеры, которые с ним работают, боготворят его. И, сравнивая, понимают, что мало кто выдерживает это сравнение. Не могут потом внутренне разор-

Кадр из фильма «Связь»

ровались. Любовь взрослых людей идет вразрез со многими прочными связями, опутывающими нас на протяжении всей жизни. Рвать эти связи — резать по живому. Поэтому начало у такой истории — всегда легче, светлее, чем ее финал.

— Не могу не вспомнить еще одну вашу совершенно неожиданную работу — крестьянку Катерину из псковской деревни в «Своих» Месхиева. Откуда девушка из столицы, из «династии» знает правду существования простой русской бабы? Где узнали — прочувствовали, подсмотрели?

— Не могу анализировать степень достоверности этой правды жизни. Скорей всего, это моя всеядность. Способность по большому счету комфортно находиться в любых предложенных обстоятельствах. Я с удовольствием об-

«Сколько вы убили, чтобы сыграть честно?»

Анна Михалкова — о связи личного и профессионального, о бремени фамилии и цене страсти

Кадр из фильма «Изображая жертву»

вать ее не люблю, потому что она очень личная. Про меня. Препарирование отдельно взятого человека. Но как произведение искусства она существует самостоятельно. Это интересный опыт — прослеживание за жизнью одного человека на фоне развития страны, ее переломов, переходов из одного стиля в другой. Влияние большой идеологии на одного маленького человека. Понимаю, что это вещь останется как некий документ времени...

— У меня есть одна любимая роль Ани Михалковой — в «Цирюльнике», особенно сцена, когда вы с детьми прячетесь от соперницы за дверью... Все время думала, чья она — вина или режиссера Михалкова? Теперь поняла, что не только папина, самостоятельная работа одаренной актрисы.

— Все актерские работы у Никиты Сергеевича в значи-

вать эти возникшие в работе связи. Потому что его работа сродни гипнозу. Но в моем и Надином случае — все намного сильнее. Эмоциональная связь слишком сильна.

— А как вам после съемок у отца работалось с другими режиссерами, такими разными индивидуальностями, как Балаян, Газаров, Месхиев? В итоге нашелся еще кто-то близкий?

— Называть кого-то — обидеть других. Не думайте, это не попытка оставаться ко всем толерантной. Просто любой человек, занимающийся творчеством, если это не халтура и не тупое зарабатывание денег, находится в процессе рождения, простите за банальность, детища. И актер за эту «неведомую зверушку» может переживать даже больше, чем за собственных детей. Поэтому все зависит от языка, внутреннего взаимопонимания,

которое нащупывается с режиссером. И от профессионализма. Плюс человеческие пристрастия, радость от совпадения взглядов на жизнь, юмор, попытка уйти от традиционных форм во что-то новое... Я подвижный внутренне человек. С Кириллом Серебренниковым совпадения происходят на уровне отношений с жизнью, понимания, что да, существует тут некий эпатаж... но Кирилл не подменяет понятий. Твердо знает, где добро, где зло. Дуня Смирнова тоже интересный человек, но не предсказуема, в ней много женского, и ее любовь, так же как нелюбовь, — испытание. Она всегда в позиции либо нападения, либо защиты.

— Какая из сыгранных ролей вас развернула в неожиданную сторону?

— Роль в «Связи». Она вообще ложится на кризис сред-

него возраста. Когда через какие-то личные переживания, штормы — не важно, что это: любовь на стороне, болезнь, кризис, уход близкого, — человек пытается нащупать самого себя... Одна система координат рушится, а другая еще не нашлась. Те люди, от которых ты ждал поддержки, вдруг тебя покидают, ты один на один остаешься с жизнью и самим собой. Грубо говоря, это и есть момент настоящего взросления, когда понимаешь, что один пришел в мир и один уйдешь.

— Как вы отноитесь к внутренней идее этой картины, что страсть, подлинная любовь обладают не только созидающей, но и разрушительной силой?

— Это Дунина позиция, она считает, что любовь взрослых людей — трагедия. Во многом она права. Любовь в юношестве — пылкая, максималистская — с другим «времячислением». Может длиться сутки и быть полноценным чувством. Она не разрушает. Может, более поверхностна просто потому, что еще не созрела. Любые доли внутренне-го «я» еще не вполне сформи-

«Когда у артистов, играющих любовь на экране, вспыхивают те же чувства за камерой и они практически играют себя — это тоже плохо, правда жизни и правда в кино — разные истории»

Михалкова Анна
(Печадерская)

26.06.06